

Игорь ЕРЕМИН

□

Куда идет двадцатый век?
Ракеты замерли на старте.
А тишина стоит, как в марте,
Когда летит последний снег.

А тишина, как из стекла:
Чуть тронь — и задрожит
предсмертно.
И пули бьются о предсердье
Всего, чем жизнь теперь тепла.

И у меня в глазах туман.
Все было: и бои, и бойни.
Но до сих пор планете больно
От боли Ильичевых ран.

Так как же так? Земля —
цветник,
А отдана свинцовым пчелам.
И закрывает телом черным
Лумумба Африку от них.

Век выбирается из пут.
Кто в силах с ним открыто
биться?

И прячутся в тени убийцы
И по живым мишеням бьют.

И люди падают, как в снег,
И — в штатском — гибнут, как
солдаты.

И выстрелы гремят, двадцатый
Насквозь простреливая век.

Как на скрещении огня,
Стою, дышу, душа живая,
Чужую боль переживая,
Как будто пули все — в меня.

Нет, пусть я смертный человек
И грудь моя свинцу открыта,
Но вот тебе моя защита —
Моя страна. Мужайся, век!

□

Овации, как волны, хлынут к сцене.
Прибой, как у прибрежной полосы.
«Но как мы время все ж таки не ценим!» —
И Ленин залу — взглядом — на часы.

И зал стихает, где-то в отдаленье
Еще волнением сдержанным дыша.
И каждый взгляд наполнен мыслью: Ленин!
И чувством: Ленин! — до краев душа.

Вот он сказал: — Товарищи! — негромко
Тем голосом спокойным и простым,
Которым, без расчета на потомков,
Мы говорим товарищам своим.

Но слушаю — и будто тоже в зале,
Ремень опоясанный, сижу,
На лица с отблеском Октябрьских зарев
И на него — на Ленина! — гляжу.

И здесь отцы, еще не пожилые,
И легкие, как ветер, на подъем.
За ними вслед и мы под ножевые,
Под раны огнестрельные пойдем.

И мы пройдем к великим новостройкам
От той России, что плелась с сумой.
И мы войдем в историю достойно,
Достойные истории самой.

□

Зимы заснеженные виды
Не восхищают, а гнетут,
Когда смотрю, как инвалиды
По скользкой наледи идут.

Вот, летом это незаметней:
Протезы или костыли —
Они свой стук теряют в летней
Все поглощающей пыли.

А на морозе скрип их резок.
И плачет, и скрежещет снег,
Когда проходит на протезах
Войну прошедший человек.

Его завижу, и тоскою
Враз отзывается во мне
И сорок первый под Москвою,
И все, что было на войне...

ИЗ ТАЕЖНОГО БЛОКНОТА

1.

Мне двадцать два. И это много.
А я газетчик хоть куда.
В тайгу далекая дорога
Мне как счастливая звезда.

И вот уж верю: не иначе,
Как здесь, в глуши, не на виду,
И есть объект моей удачи,
Где десять домиков в ряду,

Где тишина стоит в природе
И лишь гидравлика свой звук,
Как будто поезд на подходе,
Едва процеживает вслух.

Я тороплюсь к нему, как к счастью,
И представляю наобум,
Как опишу глухую чащу,
Глухой, как в тайне, в чаще шум.

Уж не твоя ли беспредельность,
Тайга, мне помогает здесь
Поверить в собственную дельность,
В себе уверенность обрести?

И сердце вздрагивает сладко.
А что устал — совсем не в счет.
И вся, как чистая тетрадка,
Жизнь и не начата еще.

2.

А я неопытен и робок.
Нов для меня в тайгу маршрут.
Но форс держу. Пусть парни в робах
Поймут: и я не промах тут.

И те, понятно, понимают
И, затевая разговор:
— Вот ты, а был, — припоминают, —
И до тебя у нас собкор.

Но как-то наспех, как нарочно,
Пером почиркал — и в седло.
Должно быть, надо было срочно,
Да хоть простился бы тепло...

В меня ли камешки кидают?
Но, уважая всякий труд:
— А ты пиши, — они кивают
И на гидравлику ведут.

Да, мол, расписывай не слишком!
И будет их рассказ скупой
О том, как шли за золотишком,
Тянули реку за собой.

Шли сквозь тайгу, меняя русло,
Как сквозь железное кольцо,
И уставали не от груза —
От гнуса, жгущего лицо.

И вот река — как ни ворчала,
Пришлось ей все же распахнуть
Сквозь первобытное начало
Свою трудящуюся суть.

И парни вынут папиросы.
Им руки высветит огонь,
Как будто впрямь золотоносны
Упали золотом в ладонь.

Я форс теряю, до блокнота
Свой карандаш не донеся,

Гляжу, сужу: моя работа,
Как и у них, в добыче вся.

А мне бы слова золотого!
Но так бывало, что порой
Лишь позолоченное слово
Обманывало мишурой.

Нет, дело — ох как не простое!
И сколько мне еще расти,
Чтоб правды слово золотое
И впрямь почувствовать в горсти...

МОНИТОРЩИК

Я увидел его в распадке,
Там, где гидравлика была
Взамен старательской лопатки,
Как батарея в три ствола.

А был он, как и все, кто в робах
Тут верховодил у водил*.
И не имел примет особых,
Хоть и по золоту ходил.

По здешней моде бородатый,
Стоял он в позе боевой
У «пушки» незамысловатой,
Вовсю стреляющей водой.

Работал монитор без фальши,
Как ветер, веющий зерно,
Чтоб шло все легонькое — дальше,
А все, что золото, — на дно.

Все, что ни делал он, — на совесть!
На совесть жил. И оттого
Была спокойная весомость
Во всех движениях его.

---

* Водило — ручка для управления гидромонитором.